

Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече председателя Правительства РФ В.В. Путина с лидерами традиционных религиозных общин России

08.02.2012

Источники: Патриархия.Ru

8 февраля 2012 года в официальной Патриаршей резиденции в Даниловом монастыре состоялась встреча председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и руководителями традиционных религиозных общин России.

Добро пожаловать, Владимир Владимирович, в Свято-Данилов монастырь! Мы рады, что Вы откликнулись на наше предложение встретиться с представителями религиозных организаций и христианских конфессий, с тем чтобы поговорить о будущем нашей страны, поговорить обо всем том, что представляется важным для людей верующих. Мы хотели бы провести беседу с Вами как с Премьер-министром, но в первую очередь как с кандидатом на пост Президента нашей страны, причем с кандидатом, который имеет, конечно, наибольшие шансы реализовать это кандидатство в реальную должность. Именно поэтому разговор, который мы хотели бы с Вами сегодня провести, будет предметным и будет давать возможность Вам услышать реальные пожелания и предложения представителей религиозных общин нашей страны. Добро пожаловать!

...

Благодарю Вас сердечно, Владимир Владимирович, за очень конкретное и содержательное выступление, которое, конечно, находит горячий отклик в наших сердцах. Все эти темы, которые вы обозначили, были предметом обсуждения на разных уровнях — и с представителями гражданского общества на разных площадках, и с представителями государства, и вот сегодня так ясно сформулированные направления той деятельности, которая предстоит как государству, так и религиозным организациям, нас очень радует. Но позвольте мне к тем же самым проблемам, о которых Вы сказали (воспитание, демография), подойти несколько с иной позиции. И для того чтобы понять то, что я хочу сказать, важно все-таки вспомнить, через что мы прошли в 1990-е годы. 1990-е годы вошли в историю под совершенно ясным, как теперь говорят, брендом — «лихие годы». А что произошло в эти «лихие годы»? Ну, в первую очередь, конечно, это полный идейный хаос, это разрушение всяких идеологических парадигм, что, с одной

стороны, может быть, было и хорошо, учитывая доминанту идеологическую, которая присутствовала в жизни народа, но, с другой стороны, это таким образом раскрепостило, в том числе, инстинктивное начало людей, что идейный хаос стал сметать все. И грабеж государства, общества, разрушение экономики, политики, разрушение страны.... Я хотел бы сказать, что то, через что страна прошла в 1990-е годы, сопоставимо с другими, самыми значительными катаклизмами в истории нашей страны, со Смутой XVII века, с наполеоновским нашествием, с гитлеровской агрессией и с Гражданской войной, потому что всякий раз стоял вопрос: быть или не быть самой стране, быть или не быть народу. А если сравнивать разрушения и ущерб, который был причинен народу и экономике в течение этих 1990-х годов, то ясно, нужно подчеркнуть, что все это сопоставимо с потерями в Великой Отечественной войне. Поэтому есть определенная проблема сегодня, в первую очередь среди тех людей, которые либо родились в эти годы, либо родились в конце 1980-х годов, а это люди, которым 20-25 лет. Они сознательно не участвовали во всем том, через что проходила страна, они не видели этой катастрофы. И потому вот это наше обращение к 1990-м годам — для многих это примерно так, как для нас обращение, ну я не знаю, к эпохе НЭП или к началу XX века. Вот очень важно, чтобы наши соотечественники поняли, через что мы прошли.

Конечно, 1990-е годы открыли новые возможности, в том числе и для свободы совести, для мировоззренческого выбора. И мы никогда не закроем глаза на все то доброе, что было сделано, но угрозы для существования государства были колоссальные.

Ну а что же такое 2000-е годы? Чудом Божьим при активном участии руководства страны нам удалось выйти из этого страшного, системного, разрушающего сами основы народной жизни, кризиса. Другие могут сказать о том, что произошло в области экономики, в области политики. Мы знаем, что есть очень оптимистические оценки и менее оптимистические оценки, очень критические оценки, но совершенно очевидно, что страна вышла из той страшной, опасной зоны и начала набирать обороты.

Я плохой экономист, но понимаю, что общий мировой контекст не был благоприятным для развития экономики, и, тем не менее, сегодня Россия — это богатая страна. Тот факт, что сегодня в Испании, когда это одна из процветающих стран, массово продается недвижимость испанцами и массово покупается россиянами, — очень хороший сигнал всему миру. Страна, которая бедная, которая в кризисе, не может позволить себе то, что сегодня не позволяют богатые страны.

Но не хочу останавливаться на экономике. Я думаю, что очень важно понять, что выход из этих тяжелых 1990-х годов был, конечно, совершенно особой страницей в многовековой истории нашего Отечества.

Я совершенно открыто должен сказать как Патриарх, который призван говорить правду, не обращая внимания ни на политическую конъюнктуру, ни на пропагандистские акценты, о том, что огромную роль в исправлении этой кривизны нашей истории сыграли лично Вы, Владимир Владимирович. Я хотел бы Вас поблагодарить. Вы когда-то сказали, что Вы трудитесь, как раб на галерах, — с той лишь только разницей, что у раба не было такой отдачи, а у Вас очень высокая отдача.

Это совсем не означает, что все мы согласны с каждым Вашим действием, со всем тем, что происходит в стране. У нас есть критические точки зрения, и я публично об этом говорю, никогда не стесняясь. И сегодня о чем-то скажу, что меня очень беспокоит, и я думаю, что беспокоит тех, кто сегодня собрался вокруг этого стола. Дело в том, что достижения этих 2000-х годов, особенно близкие для нас в сфере обретения религиозной свободы, свободы мировоззренческого выбора, эти достижения, конечно, помогли людям сформировать уже некую мировоззренческую основу — не всем, но очень многим в нашем обществе. Период этого разброда и шатания закончился: очень многие люди ясно понимают, что сегодня означает тот самый наш культурный код, о котором Вы тоже, кстати, говорите в одной из своих статей. Формирование этого осознания, наличие культурного кода, передающего из поколения в поколение незыблемые базисные ценности нашего народа, становятся присущи очень значительной части россиян. И мне кажется, что этот мировоззренческий сдвиг очень важен.

Но с другой стороны, конечно, и угрозы, которые сегодня существуют и о которых мне хотелось бы очень открыто и прямо сегодня сказать, они тоже очень велики и опасны. В первую очередь это касается противопоставления нашей культурной традиции... Слово «традиция», я понимаю, не всеми в должной мере воспринимается сегодня. Это связано часто в массовом сознании с некой архаикой. Но на самом деле традиция — это механизм и способ передачи ценностей, которые не могут исчезнуть из народной жизни. Не все то, что в прошлом, хорошо, ведь мы выбрасываем мусор, мы же не все сохраняем от нашего прошлого. Но есть вещи, которые необходимо сохранять, потому что, если мы их не сохраняем, разрушается наша национальная, культурная, духовная идентичность, мы становимся другими, и чаще всего мы становимся хуже.

Почему важно сохранение этого культурного кода? Потому что на основе этого культурного кода и формируется матрица народной жизни, она не с неба сваливается, она вырастает из этой традиции, и в формировании этого культурного кода на протяжении тысячелетия участвовали все те духовные силы, которые представлены сегодня своими достойными представителями за этим столом.

Так вот если говорить о том, какие угрозы... Существуют разные точки зрения. Есть некая такая конспирологическая теория, что существует некий проект против России. Я не берусь оценивать эти конспирологические теории, насколько они соответствуют действительности, насколько нет, пускай специалисты в этом разбираются, но я хотел бы сказать о том, что посыл, который идет к нам, очень легко усваивается массовым сознанием. Потому что обращение идет не к сознанию, не к идее, не к нравственному чувству, а к инстинкту. Сегодня формируется цивилизация инстинкта. Она сформирована во многих странах. Что отличает эту цивилизацию? Идея потребления — иметь больше и тратить больше. Конечно, мы прошли через нищету, через скорби нашего бытия и в советское время, и тем более в 1990-е годы, и поэтому понятно, что некоторые люди, получив какие-то средства, уж очень отождествили себя с этой философией потребления. Здесь есть некое историческое объяснение, почему это произошло. Но когда это становится чем-то похожим на жизненный идеал, на основное целеполагание человека, это является опасным для жизни народа. Потому что народ, особенно Россия

— многонациональный, многорелигиозный народ, который находится на таких огромных пространствах, не может жить без идеи, без объединяющей идеи. Вот этот наш культурный код, он и есть наша национальная идея, которая воспроизводит каждое последующее поколение людей с точки зрения формирования их системы ценностей.

А вот что сегодня мы имеем? Если просто проанализировать весь информационный поток: телевидение, интернет, средства массовой информации, другие печатные книги, фильмы – они все работают, может быть, не на 100%, но абсолютное большинство работает на формирование инстинкта человека, гражданина цивилизации. Никаких высоких идеалов! А почему мы потом удивляемся, что выступает какая-то девушка на встрече с Президентом на факультете журналистики и с некой гордостью говорит, что я отличница, но главная моя цель — это отвалить, уехать. А почему уехать? Там выше уровень потребления, там больше денег. И если у человека доминантой, его такой аксиологической доминантой, его целеполаганием является это измерение жизни, то тогда мы явно проигрываем все, потому что еще России нужно большой путь пройти, для того чтобы уровень потребления поднять до уровня потребления других стран и обеспечить людей такой же зарплатой.

Но ведь есть области, где никакой зарплатой невозможно компенсировать риски и жертвы! Вы сказали о Вооруженных силах. Никакая зарплата не может компенсировать потерю, смерть или человеческое уродство, инвалидность. Значит, для того, чтобы солдат поднялся в атаку, никакой зарплатой вы его не мотивируете. Если море огня навстречу этой шеренге, которая должна подняться и идти защищать Родину, — только высочайшая мотивация, только чувство долга... А чувство долга — это нравственное понятие и одновременно идейное понятие. Но наша цивилизация сегодня не создает, не формирует чувство долга. Все направлено на формирование инстинктивного подхода: я должен удовлетворять своим потребностям, чем больше, тем лучше; чем я больше буду денег на это тратить, тем лучше. Вот на этом поле мы все и существуем.

Вы очень правильно сказали о необходимости укрепить отношения церкви, религиозных организаций, государства, но ведь это будет капля в море. Это очень правильные капли, хорошие капли. Даже если появятся какие-то религиозные передачи на федеральных каналах, невозможно уравновесить. Это абсолютно разные силы. Что произойдет с нашей молодежью через шесть лет, а что произойдет через 12 лет? А если это массовым будет, идеал потребления, и массовым будет идеал отваливать туда, где можно больше заработать? Мы потеряем Россию. Вот это самый важный стратегический вопрос, и для решения этого вопроса необходимо, на мой взгляд, сделать следующее: в 1990-е годы произошел трагический разрыв между образованием и воспитанием, между школой и воспитанием. Семьи оказались неспособными воспитывать детей в очень большом количестве случаев, потому что информационный поток разрушал все эти усилия семьи, иногда даже, кстати, не очень умелые. Ну, разный уровень родителей — и интеллектуальный, и нравственный, и духовный, и поэтому конкурировать было невозможно, что очень хорошо нам показал сериал «Школа». Вот лицо современного школьника, молодого человека. Ну как родители несчастные могут ввести в какую-то оглоблю этого человека, привить ему какие-то высокие идеалы? Он живет на другой планете, что, кстати, усиливает разрыв между поколениями.

Но здесь вот что очень важно, на мой взгляд? Нужно вернуть воспитательную функцию в детский сад, в школу, в университет. У нас должна быть идейная, духовная парадигма, в рамках которой бы осуществлялось это воспитание личности, ведь у нас есть ценности. У нас есть ценности — нравственная ответственность, о которой Вы тоже хорошо сказали в своей статье, свобода, честность, достоинство, справедливость, правда. Не в силе Бог, а в правде.

Вот если мы наполним наше воспитательное пространство этими идеями, если мы научимся все вместе работать, чтобы формировать умонастроения нашей молодежи, то мы сумеем, может быть, я надеюсь (100-процентной уверенности нет, потому что слишком силен этот информационный поток), но мы сумеем остаться островом свободы... Случайно сейчас использую этот образ – остров свободы. Я буду молиться и делать все для того, чтобы Россия осталась островом свободы. Конечно, очень важна культурная политика, политика на телевидении. Ведь можно и боевики делать так, чтобы хорошая идея была, и чтобы был ясный положительный герой. Ведь все мы смотрели фильмы про милицию, про разведчиков, которые носили такой характер боевика, но, тем не менее, они ведь имплицитно несли высокую идею. Да, они воспитывали любовь к Родине, самопожертвование человека, честность, принципиальность, готовность пойти на подвиг. Вот я думаю, что сегодня кинематограф, телевидение должны это нести не путем морализаторства, от которого всех, простите, тошнит, а путем мудрого и правильного включения наших национальных ценностей, которые одновременно являются и общечеловеческими, конечно, ценностями, вот в этот наш информационный поток и в наши воспитательные усилия.

Вот сегодня речь идет о создании общественного телевидения. Мы вначале с энтузиазмом восприняли эту идею, а потом призадумались. А призадумались вот почему: у нас чаще всего самые пронзительные голоса и самый большой крик раздаются со стороны тех, кто не представляет большинства. И на них власть реагирует с некоторым испугом — есть такая реакция. Но ведь это не большинство. А большинство, я вас уверяю, это те, которые сегодня соглашались с тем, что я говорю. И вы знаете, это не просто самонадеянное заявление: оно основано на тщательнейшем изучении общественных настроений, которые церковь проводит своими средствами и способами. Ну, кстати, не только церковь. Вот я хотел бы привести цифры фонда «Общественное мнение»: от 63% до 82% приветствуют участие Русской православной церкви в социальных и общественных программах — в зависимости от вопроса. На некоторые вопросы отвечает 63% как минимум, на некоторые — 82%. Это означает, что у людей есть потребность, в том числе, и в участии церкви в общественно значимых проектах. Вот поэтому мне кажется, что и общественное телевидение должно отражать не количество децибел в этих общественных заявлениях, а реальное количество людей, которые связаны с той или иной позицией, и должно адекватно представлять разные точки зрения, в том числе и, несомненно, представлять тех людей, которые озабочены сегодня нравственным состоянием нашего общества.

И последнее, что я хотел бы сказать, — конечно, не последнее по значению, и благодарю Вас сердечно за то, что Вы сегодня подняли эту тему, — это тема «Демография». У нас есть несколько возможностей радикально изменить ситуацию. У

нас в год рождается 1 млн 814 тыс. детей. Так было в 2011 году. И сделано аборт 1 млн 230 тыс. Это по официальной статистике. Неофициальная статистика говорит о 3,5-4 млн аборт.

Сегодня общественное мнение склоняется к тому, что делать аборт или не делать аборт — это выбор самой женщины. Но ведь, даже уважая такой выбор, государство, которое озабочено состоянием демографии, должно подумать о том, что сделать для того, чтобы этот выбор в пользу аборта радикально сократился. Если мы сократим аборт в 2 раза, исходя из цифры 4 млн, то за 20 лет у нас будет 40 млн населения только по программе сокращения аборт. А если к этому добавить программу стимулирования семей, рождаемости?! Поэтому я благодарю Вас, что Вы сказали о том, что необходимо создавать социальные центры поддержки семьи совместно с приходами, с НКО, созданными религиозными организациями.

Но я бы еще сказал о том, что важно, чтобы на том же самом телевидении, в средствах массовой информации пропагандировалась деторождаемость, поддерживалась всячески, чтобы это был приоритет в нашей работе — и государства, и общественных институтов, и церкви. И я хотел бы внести одно конкретное предложение. Может быть, имело бы смысл разработать программу поддержки многодетных семей для демографически депрессивных регионов? В некоторых регионах у нас рождаемость совершенно нормальная, но в некоторых абсолютно депрессивная демография. И вот, может быть, мы могли бы иметь такую программу, государственную программу, которая бы обеспечила адресную материальную поддержку многодетных семей? Не в общем, не на каком-то макроуровне, а вот чтобы каждый понимал, что вот это реальная поддержка будет осуществляться, помимо, конечно, того самого материнского капитала, который сейчас уже реализуется, но внимание каждой многодетной семье было бы очень важным. И здесь так же, как и в плане поддержки женщин, отказывающихся от аборт, церковь сегодня многое делает. И я знаю, и другие религиозные организации делают. И мы готовы были бы вместе с государством участвовать в реализации таких программ.

Я приветствую все то, что Вы сказали, и в отношении того, чтобы допустить НКО религиозных организаций к конкурсу на государственные заказы наравне с муниципальными и государственными учреждениями и чтобы уравнивать вузы и школы, потому что мы действительно несем большую нагрузку. Я не люблю ссылаться ни на чей опыт, но хотел бы цифры привести: в секулярных демократических государствах, которые никогда никто не критикует за сращивание с церковью или с другими религиозными организациями, существует вот такая материальная поддержка. (К сожалению, в моем распоряжении были несколько устаревшие цифры, но я не думаю, что что-то радикально изменилось.) В США 3 тыс. религиозных организаций, которые работают в социальной сфере, в год выплачивается более 2 млрд долларов. В Германии половина организаций, занятых в социальной работе, — это конфессиональные организации, объем финансирования — 20 млрд евро. Франция: 2 млн французских студентов учится в конфессиональных учебных заведениях, объем поддержки этих студентов со стороны государства — 1 млрд евро. Это порядок цифр. Может быть, сейчас кризис как-то внесет какие-то изменения, но это свидетельствует о том, что это общепринятая политика государства — взаимодействовать с религиозными

С лидерами традиционных религиозных общин

Автор: Admin

08.02.2012 16:40 - Обновлено 08.02.2012 16:45

организациями, в том числе на тех направлениях социальных, которые архиважные для процветания и благополучия народа. Я благодарю Вас еще раз, Владимир Владимирович. Может быть, говорил дольше, чем полагается, но у нас сегодня уникальный шанс сказать Вам все, что накопело на душе.

<http://www.sedmitza.ru>